

ства” условные образы дам, кавалеров, смерти, Ночи, Дня, истекшего клюквенным соком паяца с деревянным мечом, разыгрывались условные сюжеты. Неприятие символистского взгляда на мир выразилось и в драмах “Балаганчик” (1906), “Король на площади” (1907), “Незнакомка” (1907). Однако поэтика его произведений сохранила символистские ценности.

В третий том лирики вошли стихотворения 1907—1916 гг. (циклы “Страшный мир”, “Возмездие”, “Ямбы” и др.). В составление трехтомника положены хронологический и тематический принципы, потому лирику одного года вы можете обнаружить во втором и третьем томе. Отразившиеся в стихотворениях третьего тома идеалы общественного служения повлияли и на содержание поэмы “Соловьиный сад” (1915).

В 1916 г. Блок был призван в армию, после Февральской революции служил редактором стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царского правительства.

Как писал В.М. Жирмунский в “Поэзии Александра Блока”, поэт был последовательным романтиком, духовным максималистом. Романтически восприняв революцию, увидев в ней отражение природных вселенских процессов, Блок написал о ней поэму “Двенадцать” (1918). Он верил в грядущую общественную гармонию и торжество гуманности в послереволюционной России, в преодоление трагизма человеческого существования. Революционная действительность привлекла Блока динамикой, он противопоставлял ее застою прежней власти.

Однако послереволюционные будни разочаровали поэта своей идеологизированностью, явной партийной направленностью. В посвященной Пушкину речи “О назначении поэта” (1921) Блок высказался против новых чиновников, которые направляли “поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение”. Все реже он испытывал творческое вдохновение. Если ранее он призывал интеллигенцию слушать музыку революции, то теперь определял современность как беззвучие; он писал К. Чуковскому: “Новых звуков давно не слышно”.

ЛИРИКА

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ТЕМА ЖЕНСТВЕННОСТИ. Блок верил в новый мир, в то, что “чаянье грядущего” и есть смысл бытия. С верой в грядущую гармонию была связана идея женской души. Он полагал, что необычайной силой обладала женская душа и в лирике

Ф. Тютчева, но только символисты почувствовали катастрофичность мира и возможность его спасения через женское начало.

Влюбленный в Л.Д. Менделееву Блок увидел в своей избраннице земное воплощение Вечной Женственности. Она стала героиней “Стихов о Прекрасной Даме”. Прекрасная Дама “зрит далекие миры”, она — “царица чистоты”, носительница “источника света”, Закатная Таинственная Дева, Владычица вселенной, Купина. Блок относился к своей возлюбленной, потом жене мистически, с религиозным чувством, он видел в ней христианский символ: “Я в лучах твоей туманности / Понял юного Христа”. Стихам был придан характер молитв.

Однако лирический герой цикла раздвоен: в Вечной Женственности он чувствует и земную женщину. Блок писал Л.Д. Менделеевой о том, что не может “уйти в полную отвлеченность”, что она — его “земное бытие”. Уже в мистический мир его ранней поэзии входит реальность, которую поэт выразил в теме земной любви: герой желает обнять свою подругу “в упоеньи”, достигнуть ее “в терему”, “подруга желанная” всходит к нему на крыльцо, обещает отпереть ему дверь “в сумерках зимнего дня”. В элегии **“Мы встречались с тобой на закате...” (1902)** передано чувство лирического героя не к платонической Прекрасной Даме, не к символу, а к земной женщине: “Я любил твое белое платье, / Утонченность мечты разлюбив...” Их встреча — реальность, а не иллюзия; образный ряд конкретен (“Ты веслом рассекала залив”, песчаная коса, “у берега рябь и камыш”), хоть и вписан в характерный для романтиков и символистов пейзажный и эмоциональный контекст “лазурной тиши”, “вечернего тумана”, дум о “бледной красе”. Блок выразил некоторую чувственную усталость: “Ни тоски, ни любви, ни обиды, / Все померкло, прошло, отошло...”, но такое эмоциональное состояние отражало не только интимный опыт поэта, но и опыт любого человека, что отличает стихотворение от романтической элегической традиции. Впоследствии в любовной лирике Блока, будь то циклы “Снежная маска”, “Фаина” или “Кармен”, тема земной любви обретет самостоятельное, полноценное звучание. В стихотворении “Мы встречались с тобой на закате...” поэт выразил идею символистов о сближении, притяжении идеала и реальности.

Блок полагал, что тайны жизни шире эстетических концепций, что логика или желания людей не могут подменить провидения. В **1905 г.** он написал стихотворение **“Девушка пела в церковном хоре...”**. Изображена обстановка церковной службы, использована образность литургических прошений (ектений) о плавающих, путешествующих, страждущих. В церкви девушка поет “о всех

усталых в чужом краю, / О всех кораблях, ушедших в море, / О всех, забывших радость свою”, и благодаря ее песне прихожане обретают надежду: “Что в тихой заводи все корабли, / Что на чужбине устале люди / Светлую жизнь себе обрели”. В художественной системе стихотворения обозначилось характерное для дальнейших произведений Блока противопоставление белого и черного, света и тьмы, просветленности и незнания: белое плечо, белое платье девушки контрастируют с мраком храма, в котором молятся люди. Стихотворение построено на противопоставлении: вслед за песней девушки и веры прихожан в благодать всех плавающих, путешествующих наступает черед судьбы, Божьей тайны: “никто не придет назад”; человеческому самообману, самоутешению противостоит тяжелая, даже трагическая реальность. Истину чувствует ребенок (“И только высоко, у Царских Врат, / Причастный Тайнам, — плакал ребенок / О том, что никто не придет назад”). В романтических мотивах недостижимости желаемого, обреченности, невозможности соединиться с родственными душами Блоком была выражена не только тема провидения, но и его отношение к современности как трагедии.

Но в стихотворении есть и скрытый смысл. Обратим внимание на то, что голос девушки обращен к Богу, “в купол”, сама она — в освещении небесного луча; в стихотворении использован образ корабля — религиозного символа церкви; Царские врата, находящиеся в середине иконостаса, также имеют религиозную символику: через них исходит Господь напитать страждущих Своим Телом и Кровью. Полная истина, таким образом, заключается в том, что никто не вернется к молящимся в храме, но все, о ком молятся, обрели “светлую жизнь” в ином, внеземном мире. Как и образу корабля, второй, символический смысл придан мотиву “чужбины” — не географическому понятию, а мистическому. Потому символический чужой край противопоставлен земному, буквальному смыслу слова “назад” из плача ребенка.

Сложен и размер произведения, оно написано дольником.

Заметьте: если раньше лирика Блока была сосредоточена на чувствах поэта, теперь она обращена к миру. Его поэзия наполнилась образами современников. Это не только девушка из церковного хора или внимающие ей прихожане; это труженики-крестьяне (“Тяжко нам было под вьюгами...”), матросы (“Ее прибытие”), столкнувшийся с войсками в январе 1905 г. народ (“Шли на приступ. Прямо в грудь...”). Если в “Стихах о Прекрасной Даме” идея катастрофичности мира носила довольно условный характер, теперь понятие трагического обрело определенность и выразилось в конкретных проявлениях земного бытия, в том числе и урбанист-

тического. Город в сознании Блока стал образом греха. 25 июня 1905 г. он писал: “Петербург — гигантский публичный дом, я чувствую”.

В стихах 1904—1908 гг., объединенных в цикл “Город”, прослеживаются традиции “Невского проспекта”, “Портрета” Гоголя, “Преступления и наказания” Достоевского. Блоковский Петербург населен нищими, рабочими, блудницами. Среди простонародья, “женских ликов”, “веселых и пьяных” обитает лирический герой, которому является Незнакомка. Это город фабричных гудков и ресторанов, голодных и сытых. Блок ввел образ города в библейский контекст; в стихотворении “Невидимка” (1905) появился образ блудницы верхом на звере багряном: “С расплеснутой чашей вина / На Звере Багряном — Жена” — блоковская версия восседавшей на звере багряном апокалиптической матери блудниц с чашей, наполненной нечистотой блудодействия. Черты урбанистического пейзажа — окровавленный язык колокола, “могилы домов”, оловянный закат, темно-сизый туман, “серо-каменное тело” города, кровавое солнце.

Лирический герой живет, “топя отчаянье в вине”. Он, некогда веривший в свой союз с мистической Прекрасной Дамой, в будущую гармонию, теперь переживает крушение астральных иллюзий: “Давно звезда в стакан мой канула”. Так в лирику Блока входил образ Незнакомки; она олицетворяла не только астральные тайны, но и соблазны земного быта. Новое воплощение женского начала уже не было символом абсолютной гармонии. Она являлась лирическому герою то в ресторанах, то в “неосвященных воротах”; в ее портрете было достаточно много земного; она была звездой, то ли упавшей на землю с небес, то ли падшей. В стихотворении “Твое лицо бледней, чем было...” (1906) выражена трагедия падения: “Поверь, мы оба небо знали: / Звездой кровавой ты текла, / Я измерял твой путь в печали, / Когда ты падать начала”.

Одно из самых знаменитых стихотворений цикла — “**Незнакомка**” (1906). Героиня — одинокая мистическая дева, в облике которой достаточно узнаваемых черт городской красавицы: шелка, “шляпа с траурными перьями”, духи, “в кольцах узкая рука”. Банальна и обстановка ее встречи с лирическим героем: “горячий воздух дик и глух”, “тлетворный дух”, переулочная пыль, скука дач, бутафорский блеск кренделя булочной, дамы и “испытанные остряки” и т.д.

В то же время Незнакомка — вестница иных миров, дальнего берега. За ее темной вуалью лирическому герою видится “берег очарованный и очарованная даль”. Образ берега со времен романтической лирики обозначал гармонический, свободный, но недо-

стижимый мир. В художественной системе “Стихов о Прекрасной Даме” образ берега также был знаковым, он символизировал драму разъединенности поэта и его мистической избранницы: и лирическому герою “не найти родные берега”, и на другом берегу “плачет душа одинокая”, и она “на том смеется берегу”. В “Незнакомке” астральная дева приблизила мистический мир к реальности, с ней в ресторанный быт проникает ирреальный мир “древних поверий”.

Теперь не только она избранная, но и лирический герой — избранник. Оба они одиноки. Не только ей, но и ему поручены “глухие тайны”. Несмотря на это, в стихотворении прозвучала романтическая тема несбывшегося соединения родственных душ. Однако в “Незнакомке” трагическое решение этой темы обрело дополнительную тональность самоиронии: герой высказывает предположение, не является ли Незнакомка лишь игрой “пьяного чудовища”. Ирония позволила лирическому герою разрешить загадку, найти своеобразный компромисс между реальностью и иллюзией. Компромисс, однако, невозможен между Незнакомкой и пригородным бытом, чудесная дева покидает его. Она и реальность — два полюса, между которыми пребывает лирический герой.

В стихотворении не только художественные детали быта и “глухих тайн” составляют антитезу, не только сюжет о Незнакомке основан на противопоставлении ее появления и исчезновения, но и фонетический ряд стихотворения построен по принципу контраста ассонансов и аллитераций. Гармония гласных, созвучная образу Незнакомки, контрастирует с диссонансными, жесткими сочетаниями согласных, благодаря которым создается образ реальности. Фонетика стихотворения выражает пластику образа Незнакомки: шипящие передают проникновение одетой в шелка героини в суету быта.

Двойственность как принцип поэтики стихотворения выразилась и в приемах изложения происходящего. В “Незнакомке” есть описательное начало, последовательность, неспешность в выстраивании художественных деталей; есть подобие сюжетности, которое позволило исследователям рассматривать стихотворение как балладу. В то же время “Незнакомка” импрессионистична. Героиня — плод воображения лирического героя настолько, насколько для импрессиониста мир адекватен его чувственным ощущениям и ожиданиям, череде эмоциональных состояний, потоку запахов и цветовых образов. Пригородные остряки, дамы, пьяницы ясны, типичны, их действия определенные, целенаправленные, понятные, чего не происходит с Незнакомкой. Поэтике

импрессионизма свойственна инертность: лирический герой просто ведом своим воображением, никакого дальнейшего развития действия, инициативы не последует.

Тема “Незнакомки” развита и в стихотворении “Там дамы щеголяют модами...”, однако в нем Блок, усилив реалистическое начало, “недостижимой и единственной”, очаровавшей лирического героя звезде придает не только внешние, как это было в “Незнакомке”, но и внутренние черты городской красавицы. Она сроднилась с пошлой реальностью: она “вином оглушена”, некогда полная тайн вуаль стала просто вуалью в мушках, в ее портрете появились мелкие черты, в ее характере угадываются земные противоречия героинь Достоевского: “Она — бесстыдно упоительна / И унизительно горда”. Незнакомка появилась и в стихотворениях 1906 г. “Прошли года, но ты — все та же...”, “Шлейф, забрызганный звездами...” Этот образ сопровождал воображение Блока не один год. В феврале 1908 г. он написал стихотворения “Я миновал закат багряный...”, “Май жестокий с белыми ночами!..”, в котором изображена “женщина с безумными очами, / С вечно смятой розой на груди”. В 1909 г. Блок создал стихотворение “Из хрустального тумана...”, его героиня — явившаяся в ресторан из “неведомого сна” дева со “жгуче-синим взором”.

В следующем году было написано стихотворение “**В ресторане**”, в котором когда-то мистическая дева “Незнакомки” трансформировалась в ресторанный соблазнительницу с надменным взором: “Но из глубы зеркал ты мне взоры бросала / И, бросая, кричала: Лови!..” В этом образе нет импрессионистичности. Адаптация и лирического героя, и женщины к богемной жизни совершилась, мистика уступила место прозе жизни, астральные отношения — флирту. В героине отсутствует гармония, в ее душе та же какофония, хаотичность, что и в ресторанном мире: цыганка “визжала заре о любви”, ее монисто “бренчало”, струны “трянули”, смычки запели “исступленно”, но и избранница говорила “намеренно резко”, она “рванулась движеньем испуганной птицы”, ее шелка “зашептали тревожно”, взоры она “бросала”.

В “Незнакомке” сомнения в реальности встречи лирического героя и девы так и не разрешились. В стихотворении “В ресторане” встреча состоялась, причем в такой же банальной обстановке: фонари, которые в цикле “Город” ассоциировались с пороком, смычки поют о любви, атрибуты цыганщины, романтической во времена пушкинских “Цыган” и романсов Я. Полонского, Ап. Григорьева, но в блоковском стихотворении утратившей романтическое звучание и ставшей признаком праздного быта начала века. Ресторанная этика проявилась и в действии героя: “Я послал тебе

черную розу в бокале / Золотого, как небо, ай". Если "Незнакомка" написана четырехстопным ямбом, то "В ресторане" — разностопным анапестом.

Параллельно в лирике Блока в конце 1906 г. появилась героиня поэтических циклов "Снежная маска" и "Фаина", к которой лирический герой испытывал страсть. Стихи посвящались актрисе Н.Н. Волоховой. В новом воплощении женственности выразилось дальнейшее отступление Блока от идеала Прекрасной Дамы. Конечно, в героине "Снежной маски" и "Фаины" была некоторая преемственность от Незнакомки. Об этом свидетельствует образный ряд. Возлюбленная, "сверкнув из чаши винной", змеилась "в чаше золотой", являлась "сквозь винный хрусталь"; лирический герой обращался к избраннице: "Душишь черными шелками, / Распахнула соболя...", "Меня дразнил твой темный шелк". Строка "Девичий стан, шелками схваченный" преобразилась в строку "Тонкий стан мой шелком схвачен"; повторились и образы дали, вуали: "Как за темною вуалью / Мне на миг открылась даль..." В одном из стихотворений он назвал ее Незнакомкой.

В циклах запечатлен переход лирического героя от созерцательности к метели, по Блоку — мятели, т.е. тревоге, от мечты к инициативе, от статики к динамике. Блок воспел "земную красоту": "Мне слабость этих рук знакома, / И эта шепчущая речь, / И стройной талии истома, / И матовость покатых плеч". Не мечта о свидании с Прекрасной Дамой, не намек на возможное свидание с Незнакомкой, а любовное свидание с героиней "Фаины" становится темой поэзии: "И, словно в бездну, в лоно ночи / Вступаем мы... Подъем наш крут... / И бред. И мрак. Сияют очи. / На плечи волосы текут / Волной свинца — чернее мрака... / О, ночь мучительного брака!.."

Такой мотив любви-страсти выразил новое блоковское мироощущение. Открытость миру, готовность принять его таким, каков он есть, стала темой стихотворения 1907 г. "**О, весна без конца и без краю...**". Слово "принимаю" доминирует в образной системе стихотворения. Лирический герой пребывает в согласии с жизнью, нет характерного для романтиков противостояния личности миру, а контрасты, неразрешимые в "Незнакомке", теперь созвучны. Совместимость противоположностей стала знаком гармонии. Потому принимаются удача и неудача, плач и смех, ночные споры и утро, "пустынные веси" и "колodцы земных городов", "простор поднебесий и томления рабьих трудов". Интимный мотив стихотворения подтверждает философскую тему полноты и многоликости жизни: последние четыре строфы — о "враждующей встрече", о любовных отношениях "ненавидя, кляня и любя".

Сознанию Блока чужд абсолютный трагизм: в одни и те же годы в его творчестве появлялся лирический герой, склонный воспринимать жизнь и как воплощение земной пошлости, и как мировую гармонию. Стихотворение вошло в цикл “Заключение огнем и мраком”. Эпиграфом к циклу послужили строки из лермонтовской “Благодарности”, в которых выражена близкая Блоку тема благодарности за жизнь не только с радостями, но и с “тайными мучениями страстей”, “отравой поцелуя”, “местью врагов”.

Тема принятия земных испытаний выразилась в любовной лирике Блока, в мотивах благодарности за любовь утасаживающую и неверную, прощения измены, которые восходят к пушкинскому стихотворению “Как дай вам Бог любимой быть другим”. В 1908 г. Блок написал стихотворение “О доблестях, о подвигах, о славе...”, в котором рассказывается о драматических отношениях поэта и Л.Д. Блок. Стихотворение выполнено в жанре послания. Лирический герой обращается к возлюбленной с исповедальным монологом о своих чувствах. Покинувшая его женщина — “милая”, “нежная”, она вдохновительница его поэзии, она высшая истина, рядом с которой забывались иные идеалы “горестной земли” — доблесть, подвиги, слава. Она же олицетворение его молодости. Расставшись с ней, он расстался и со своими символистскими иллюзиями: любимая ушла, завернувшись в плащ, цвет которого, синий, был знаковым в поэзии символистов. Стихотворение включено в цикл “Везде”. Утрата любимой женщины — везде за иллюзии, за символистскую эстетизацию живой жизни.

В шести строфах описана история любви, композиционно обрамленная изображением любимой (“Твое лицо в его простой оправе”). Каждая строфа стихотворения, словно повторяя композиционный принцип пушкинского стихотворения “К***” (“Я помню чудное мгновенье...”), сюжетно и эмоционально самостоятельна и выражает определенный период в жизни лирического героя после измены любимой: забвение, желание обрести иные опоры в жизни (“Вино и страсть терзали жизнь мою”), стремление вернуть ее любовь, затем муки уступают место иному состоянию — жизнь становится “крепким сном” о ней, о ее уходе и, наконец, смирение, признание невозможности вернуть любовь. Однако драматический финал отличает проблематику стихотворения Блока от “К***”.

В 1914 г. был создан цикл из 10 стихотворений “Кармен”, в котором главной темой стала сила любви, страсти, вдохновляющей к “творческим снам”. Стихи посвящены исполнительнице партии Кармен в опере Бизе Л.А. Андреевой-Дельмас. “Я потерял

голову, все во мне сбито с толку...” — отметил увлеченный певичей поэт в записной книжке.

Блок увидел в своей современнице характер обольстительной, не знающей смирения цыганки. Это совмещение женских натур дало результат — “бред моих страстей напрасных”. Сюжет об испанской цыганке сроднился с жизнью Петербурга, где “март наносит мокрый снег”. Блок создал синкретический образ, в котором не расчленены женская природа, условность сцены, восприятие текста П. Мериме. Об этом синтезе Блок сказал в стихотворениях “Бушует снежная весна...”, “Сердитый взор бесцветных глаз...”, “О да, любовь вольна, как птица...” и др.

В описании Кармен присутствуют черты Дельмас: ее “нежные плечи”, духи, “пугающая чуткость” “нервных рук и плеч”, презрение во взгляде, львиное “в движеньях гордой головы”. Но Дельмас или Кармен испытывает ревность к Эскамильо: “Не Вы возьметесь за тесьму, / Чтобы убавить свет ненужный, / И не блеснет уж ряд жемчужный / Зубов несчастному тому”? Эта сценическая, условная ситуация стихотворения “Сердитый взор бесцветных глаз...” как бы переносится в петербургскую жизнь в стихотворении “О, да, любовь вольна, как птица...”, и что не суждено больше испытать Эскамильо, войдет в жизнь лирического героя: “И в тихий час ночной, как пламя, / Сверкнувшее на миг, / Блеснет мне белыми зубами / Твой неотступный лик”.

Такой синтез художественного вымысла и реальности, намеренное включение сценической и литературной условности в судьбу лирического героя создают ощущение прозрачности границ поэтического текста и жизни, свободного перемещения образа в реальность и реальности в художественное пространство.

Любовь и ненависть Кармен необычайны, как и чувства лирического героя. Подобный максимализм — характерная черта и “громады любви”, “громады ненависти” лирического героя В. Маяковского. В русской литературе эта особенность восходила к романтической традиции.

В блоковской лирике любовь ассоциируется с природными стихиями. Окно избранницы “месяца нежней”, “зорь закатных выше”, ее голос наполнен “рокотом забытых бурь”, в золоте кудрей проступает “червенно-красное”, так же как “ночную тьмой сквозит лазурь”, в ее косах — “рыжая ночь”, а сердце лирического героя подобно океану.

Эмоциональности и интимности цикла соответствует жанр послания, в котором созданы некоторые его стихотворения. Последнее из них, “Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...”, написано традиционным для послания шестистопным ямбом.

Частыми художественными приемами цикла стали сравнения и параллелизмы. Одно из средств изображения чувства в “Кармен” — соединение контрастных смыслов: любовь проявляется в восторге и страхе, “немой жуткости”, характеры Кармен и лирического героя выражены в строке “Мелодией одной звучат печаль и радость”, герою “печально и дивно” оттого, что приснился сон о возлюбленной, и т.д.

Таким образом, в теме женственности отразились глубокие мировоззренческие изменения поэта на пути “вочеловечения” — от созерцания земной жизни к погружению в живую жизнь. Со временем воплощение женственности предстало в его поэзии в образе России.

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ТЕМА РОССИИ. Одной из главных тем поэзии Блока, выразившей демократические настроения поэта, его переход к активному восприятию жизни, его ощущение времени, стала тема России. В письме к К.С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г. Блок писал, что теме России он посвятил жизнь, что эта тема есть “первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*”.

В контексте этой темы поэт воспринимал и проблемы взаимоотношений народа и интеллигенции. В 1907 г. началась его переписка с олонецким старообрядцем и одновременно близким к сектантским движениям поэтом Николаем Клюевым, в письмах которого он услышал укор себе как представителю дворянского сословия, интеллигенции за равнодушие к судьбе народа. Мысли и цитаты из клюевских писем Блок включил и в драматическую поэму 1908 г. “Песня Судьбы”, и в статью “Литературные итоги 1907 года”. Блоку был близок толстовский герой — мучимый совестью Нехлюдов из романа “Воскресение”, дворянин, поначалу равнодушный к народному миру, а впоследствии всматривавшийся в этот мир и через постижение его бед решавший первейшую для себя духовную задачу преодоления зла через признание себя виноватым пред Богом, через выполнение Христовых заповедей. В статье “Народ и интеллигенция” (1909) поэт писал: “С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие и с той поры не оскудевало”. Поэт, не без влияния Клюева, пришел к мысли о том, что в свое время народ сметет интеллигенцию, в том числе и его, Блока. Воспринимая такой ход событий как справедливое возмездие, он писал Станиславскому: народ “*свято нас растопчет*”. Позже оправдание народного гнева и ощущение своей вины перед народной Россией оформится в самостоятельную тему в поэме “Двенадцать”.

Станиславскому же Блок изложил свою концепцию национального самосознания, свой особый возврат к славянофильству, но

без православия и самодержавия. Он не склонен был связывать миссию России и с судьбами славянского мира в целом, со славянством. Россия воспринималась им как нечто самоценное и исключительное.

Тема России в творчестве Блока претерпела довольно сложную эволюцию. В “Стихах о Прекрасной Даме” Блок создал образ пространства, в котором России как таковой еще не было. В “Распутях” символистские условные образы вроде “чародейного и редкого” тумана уступали место прозаизмам: “Далеко запевают петух”, “Потемнели ольховые ветки, / За рекой огонек замигал”, печальные поля, серые сучья и т.д.

С “Пузырями земли” в лирику Блока вошел образ России-мифа, которому сопутствовала пантеистическая, дохристианская мистика. Блок писал о полевом Христе как Боге для всякой твари — и человека и нежити: болотных чертенят, карликов, русалок, нимф... Потому в его лирике чертик просится к святым местам, а болотный попик всех любит и за всех молится. Идея единства всего сущего стала центральной в понимании России. Заметим: в поэме “Двенадцать” образ России уже будет представлен как расколотый, враждующий мир. Даже печаль в “Пузырях земли” не являлась антонимом радости. Поэт создал оксюморонные образы: “улыбалась печаль”, “В печальном веселье встречаю весну”.

Лирический герой почувствовал свою причастность к такой России. Он открывал для себя полевую родину “древесного оргазма”, в которой “соки так и гуляли в лесах и полях”, и приходил к мысли о том, что “унизительно не быть одной из этих стихий”, как писал он в 1905 г.

Вместе с тем в блоковской версии России обозначились и социальные мотивы. В 1900-х гг. среди блоковских образов появились крестьяне, матросы, рабочие. Январские события 1905 г. стали причиной появления в лирике Блока образа революционного народа. Так, в стихотворении “Шли на приступ. Прямо в грудь...” прозвучал мотив крови, “дали кровавой”.

Блок искал свой образ России. В конечном итоге в его творчестве оформилось представление о России многоликой — народной, кроткой, разбойной, эпической, интимной, устремленной, по-степному бескрайней, вольной... В блоковском ощущении России выразились традиции русской литературы предыдущего века, прежде всего Пушкина, Лермонтова, Гоголя. В стремлении быть полезным народной России сказалось влияние поэзии Некрасова. Блоку близка тютчевская концепция “Умом Россию не понять”, его вера во “всемирную судьбу” родины, которую пророчил и Гоголь в одиннадцатой главе “Мертвых душ”.

Блок, восприняв от предшественников лирическую, интимную трактовку темы России, по-своему интерпретировал пушкинские и гоголевские образы “разгуляя удалого” и тоски, тройки, дороги, неведомых равнин, лермонтовские образы “разливов рек”, “печальных деревень”. Так, в блоковских мотивах иззаботившейся “нищей” России “серых изб” с ее “разбойной красой”, острожной тоской песни ямщика, “песнями ветровыми” (“Россия”, 1908) или в “Буду слушать голос Руси пьяной, / Отдыхать под крышей кабака” (“Осенняя воля”, 1905) слышен отзвук лермонтовской любви к отчизне: лирический герой “Родины”, принимая Россию покрытых соломой изб, взирал “на пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков”, что в свою очередь воспринимается как реминисценция из “Путешествия Онегина”, где Пушкин показал и крестьянскую родину: “Перед гумном соломы кучи”, “Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака”. Лермонтов писал о своей “странной” любви к простонародной России, Блок, как Некрасов, не видит в своем чувстве к такой родине ничего “странного” и в стихотворении “Россия” пишет определенно и о “слезах первой любви”, и о любви как о своем кресте (“И крест свой бережно несущу”). Очевидны в стихотворении и мотивы “Зимней дороги” Пушкина, “Тройки” Некрасова. Реминисцентность — основной композиционный прием “России”.

Уже в первой же строфе стихотворения “Россия” дана реминисценция из “Мертвых душ”:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Говоря не о жалости (“Тебя жалеть я не умею”), а о любви к России, Блок пишет о любви к России непредсказуемой, стихийной, импульсивной, в которой есть “тоска острожная”, “разбойная краса”. Судьба России такова, что она может отдать свою красу “чародею”, он ее “заманит и обманет”, но она выйдет из этих испытаний умудренной и здоровой, проявив свою жизненную силу: “И лишь забота затуманит / Твои прекрасные черты”.

Блок делает акцент на женственной сути России (“разбойная краса”, “прекрасные черты”, “плат узорный до бровей”, “мгновенный взор из-под платка”), и в этом видит ее жизнестойкость, спасение. Таким образом, спасительная суть идеала Вечной Женственности конкретизировалась в блоковских представлениях о родине.

Если начало стихотворения не предвещает надежды на преодоление многотрудного пути (“стертых”, “треплются”, “вязнут”, “расхлябанные”), то две последние строфы мажорные, в духе лирического отступления одиннадцатой главы “Мертвых душ”. В них доминирует мотив устремленности России вперед: “И невозможное возможно, / Дорога долгая легка”. Тема преодоления, стихийной силы, жизнестойкости выражена и ритмически, стихотворение написано четырехстопным ямбом. Вспомните, что писал Белинский о ямбе “Мцыри”: это размер упругий, он падает, как удар меча.

В 1908 г. Блок создал цикл из пяти стихотворений “**На поле Куликовом**”, который сопровождал примечанием о том, что Куликовская битва — символ русской истории, разгадка которого впереди. Мысль об исторической связи Куликовской битвы и современности высказана и в статье “Народ и интеллигенция”: “Над городами стоит гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание”; татарский стан сравнивался в статье с современной интеллигенцией, ее “торопливым брожением” и “сменой боевых знамен”, стан Дмитрия Донского — с состоянием народа начала XX в., когда под внешней тишиной скрывалась подлинная, неизвестная интеллигенции жизнь.

Конкретизированы исторические реалии: “ханской сабли сталь”, Непрядва, Дон, “Мамай залег с Ордою”, “княжеская рать”, “трубные крики татар”. Лирический герой — один из средневековых воинов. Русские войска “над степью в полночь встали”, друг призывает его “острить свой меч”. Но Россия вечная и во времени нерасчленимая, потому лирический герой — современник двух эпох, он переживает тревожный канун Куликовской битвы и канун новых, XX века, “диких страстей”. Уже “не слышно грома битвы чудной”, но наступают “высокие и мятежные дни”, лирический герой слышит “над вражьем станом, как бывало, / И плеск, и трубы лебедей”.

Патриотическое чувство лирического героя личное, интимное, в нем выражена потребность человека ощущать свое единство с родиной: “Закат в крови! Из сердца кровь струится! Плачь, сердце, плач...”

Отразившаяся в цикле блоковская концепция судьбы России во многом схожа с пушкинским и гоголевским восприятием родины: в бескрайности степей, в “тоске безбрежной”, в “долгом пути”, в вечном преодолении исторических испытаний выражена идея бесконечной устремленности России вперед. Ей суждено, по Блоку, вечно пребывать в непокое, в состоянии преодоления, боя. Потому

символом России является мчащаяся степная кобылица: “И вечный бой! Покой нам только снится. / Сквозь кровь и пыль... / Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль...”

Символом протяженной во времени тревоги служит образ лебедей: “За Непрядвой лебеди кричали, / И опять, опять они кричат...” Природа — участница событий, предвестница трагедий и русских, и татарских: “Орлий клекот над татарским станом / Угрожал бедой”. Заключительному стихотворению цикла “Опять над полем Куликовым...” предпослан эпиграф из стихотворения Вл. Соловьева “Дракон”: “И мглою бед неотразимых / Грядущий день заволокло”, в котором выразилась тема всевременности испытаний России. Блок пишет: “Долго будет родина больна”.

Но судьба России хранима заступницей. В образе Вечной Женственности предстает Та, что была с воинами в “темном поле”, освежила кольчугу на плече лирического героя, Чей голос он слышал в крике лебедей, Чей лик блеснул на мече друга. Блок пишет: “И с туманом над Непрядвой спящей, / Прямо на меня / Ты сошла в одежде, свет струящей, / Не спугнув коня”. Ее нерукотворный светлый лик был на щите воина. Скорее всего, “Ты”, “Тобой”, “Твой” — перифраз образа Богородицы¹. Так, “вечный бой” России, вечный непокой в сердце, воинственность русских рассматриваются Блоком как святая миссия: лирический герой, его друг, русские полки, противостоящие “поганой орде”, выполняют “святое дело”, и “в степном дыму блеснет святое знамя”. Образ Богородицы кульминационный в теме женственности; в цикле упомянута “светлая жена”, которая помянет лирического героя “за раннею обедней”, есть и образ матери (“И вдали, вдали о стремя билась, / Голосила мать”).

Развитию мотива российского непокоя способствует образный ряд, в том числе фонетика, ритм, интонация стиха. В стихотворении “Река раскинулась. Течет, грустит лениво...” образу ленивой реки соответствует протяженный поток гласных. Вторая строфа, ломая спокойную интонацию, начинается со звонкого возгласа “О, Русь моя!” и вводит в стихотворение мотив пути. Четвертая строфа начинается с коротких фраз, которые придают ритму стихотворения стремительность, а эмоциональному содержанию — ощущение тревоги: “Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами / Степную даль”. Далее в художественную систему введен образ движения — степной кобылицы. Седьмая, заключительная, стро-

¹ О религиозном подтексте образа говорит и строка из чернового варианта первой строфы: “Я — князь Христов”.

фа раскрывает тему трагедий и их преодолений: “Закат в крови! Из сердца кровь струится! / Плачь, сердце, плачь... / Покоя нет! Степная кобылица / Несется вскачь!” Таким образом, стихотворенные динамично и в силу смены мотивов, и благодаря специфическим художественным приемам. Такое эмоциональное построение лирической речи называется эмфазой.

В цикле использованы различные стихотворные размеры: ямб, хорей, амфибрахий. Важными в смысловом отношении являются глаголы движения, соответствующие теме исторически обусловленной устремленности России (“Наш путь — стрелой татарской древней воли / Пронзил нам грудь”): “летит, летит”, “идут, идут”, “несется вскачь”, “тучей возносились”, “умчались” и др. Частый прием цикла — метафора: “река раскинулась”, “грустят стога”, “испуганные тучи”, “Непрядва убралась туманом” и др. Блок прибегает к лексическим повторам, например в стихотворении “Опять с вековой тоскою...”, что придает циклу экспрессию: “Развязаны дикие страсти / Под игом ущербной луны” в конце второй строфы и “И я с вековой тоскою, / Как волк под ущербной луной” в начале третьей строфы. В стихотворные тексты вводится прямая речь. Важное значение для раскрытия содержания цикла играют реминисценции из летописного “Сказания о Мамаевом побоище”.

В первом стихотворении цикла “На поле Куликовом” поэт обращался к России: “Жена моя!”. В стихотворении “**На железной дороге...**” (1910) родина ассоциировалась с образом девушки “в цветном платке, на косы брошенном”. Этот же мотив мы видели в “России”. Идея женственной ментальности России достаточно традиционна; она высказана в работах славянофилов, развита в концепциях философов Серебряного века — Вл. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева. В стихотворении “Русь” (1906) лирический герой воспринимал родину как женщину: “Ты и во сне необычайна. / Твоей одежды не коснусь”. В стихотворении “В густой траве пропадешь с головой...” (1907) родина опять же предстала в образе женщины: “Обнимет рукой, оплетет косой / И, статная, скажет: “Здравствуй, князь””. В “Осеннем дне” (1909) лирический герой говорил нищей стране: “О, бедная моя жена”.

В сознании Блока эта традиция усилилась благодаря отношению к женственному как спасительному. Однако в стихотворении “На железной дороге” скорее звучит тема ответственности человека за родину, за ее спасение. Доминирующий мотив стихотворения — совесть, чувство вины лирического героя за беззаботную молодость, за равнодушие к народной России: “Так мчалась юность бесполезная, / В пустых мечтах изнемогающая...” Лирический

герой упрекает себя за невнимание к людским бедам: “Так много жадных взоров кинута / В пустынные глаза вагонов”.

Такие обобщения способствуют символизации конкретной ситуации — первая строфа представляет жанровую картину:

Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Две последующие строфы содержат сюжет о привычном пути девушки через лес к железнодорожной платформе, о том, как она встречала мчавшиеся поезда, символизирующие в стихотворении чужую и манящую жизнь: “Быть может, кто из проезжающих / Посмотрит пристальной из окон”. В стихотворении Блока узнаваема реминисценция из “Тройки” Некрасова: молодая крестьянка “жадно” смотрит на дорогу, по которой промчался корнет. И в том и в другом стихотворении в реалистически описанной бытовой ситуации скрыта тема несопряженности, чуждости двух миров — крестьянской России и России просвещенных сословий. Блок усиливает текстовые ассоциации шестой строфой:

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Эти же фрагменты стихотворения Блока обнаруживают еще одну реминисценцию — из “Воскресения” Л. Толстого. Имеется в виду эпизод, в котором горничная Катюша Маслова, жадно всматриваясь в окно вагона, видит там соблаздившего ее молодого барина Нехлюдова. Сравните: «Катюша <...> накрылась платком, подобралась и побежала на станцию. <...> Катюша, хотя и знала хорошо дорогу, сбилась с нее в лесу и дошла до маленькой станции. <...> Выбежав на платформу, Катюша тотчас же в окне вагона первого класса увидела его. В вагоне этом был особенно яркий свет. На бархатных креслах сидели друг против друга два офицера без сюртуков и играли в карты. <...> Один из игравших встал с картами в руках и стал глядеть в окно. <...> “Пройдет поезд — под вагон, и кончено,” — думала между тем Катюша ...». Сближает оба текста и тема любви: “Любовью, грязью иль колесами / Она раздавлена — все больно”.

В стихотворении использованы такие приемы, как повтор (описанная в первой строфе ситуация повторяется в пятой строфе: “Ее, жандарма с нею рядом...”), метонимия (“Молчали желтые и синие; / В зеленых плакали и пели”), метафора (тоска “свистела”

“пустынные глаза вагонов”), эллипс, т.е. пропуск во фразе какого-либо слова (“Вставали сонные за стеклами”), сравнение (мчавшегося поезда и промчавшейся юности).

С темой России тесно связана тема жизненных установок лирического героя. Лирический герой третьей книги стихов (1907—1916) был требователен к себе, в нем росла неудовлетворенность своей жизнью, что выразилось в теме праздной души и ее ответственности. Особое осмысление она получила в произведениях с элегической традицией, которой соответствуют интимность, размышления о смыслах бытия, о собственной жизни, об одиночестве и т.д.

В его поэзии была развита мысль о самоценности моментов жизни. Тема стихотворения **“Я пригвожден к трактирной стойке...” (1908)** — невозвратность мгновений, ностальгия по промчавшемуся счастью: оно на тройке “в серебристый дым унесено”, потонуло “в снегу времен, в дали веков”. Мотив промелькнувшей жизни выразился в характерных художественных деталях: звук бубенчиков, “серебристый дым”, тройка “искры мечет” и т.д. Счастье изменчиво, вслед за ним в судьбе лирического героя наступил период апатии, безволия: “Я пьян давно. Мне все — равно”; он во власти духовного кризиса.

Антитеза состояний радости и апатии выражена в противопоставлении фонетических рядов, звонкие звуки слов “серебристый”, “счастье”, “унесено”, “в снегу”, “искры”, “струя золотая” контрастируют с глухими: “А ты, душа... душа глухая... / Пьяным пьяна... Пьяным пьяна...” Для раскрытия темы счастья использованы глаголы движения: “унесено”, “летит”, “захлестнуло”, “мечет”; статический образ уныния выражен безглагольными фразами.

Эти же настроения отразились в элегии **“Ночь, улица, фонарь, аптека...” (1912)**. Городской “бессмысленный и тусклый свет” помимо буквального значения имеет и ассоциативный: бессмысленно существование лирического героя, бессмысленно бытие. Жаждающий сопряжения своего внутреннего мира и стихийных, общественных движений России, Блок остро переживал состояния статики, которая в его понимании была сродни смерти. Потому в стихотворении есть строка: “Все будет так. Исхода нет”; потому последний стих — вольный повтор первого стиха: “Аптека, улица, фонарь”. Даже смерть не изменит вечной повторяемости (“И повторится все, как встарь”) образов мира. Описанная в этом стихотворении жизнь бессобытийна, а мотив движения представлен в сниженном варианте, выражен в эмоционально-негативном образе “ледяной ряби канала”. Стихотворение включено в цикл “Пляски смерти”.

Сопричастный судьбе родины лирический герой переживает периоды и отчаяния и духовного, эмоционального возрождения. В 1913 г. современная жизнь страны представилась поэту нелепицей. Он пытался вернуть своему состоянию “мужественную волю”, “творческую волю”, о чем записал в дневнике: “Завоевать хотя бы небольшое пространство воздуха, которым дышишь по своей воле...”, “Совесть как мучит! Господи, дай силы, помоги мне”. Несозвучие поэта с эпохой, неоправдавшиеся надежды на гармонию души поэта и музыки эпохи воспринимались им трагически.

Трагичным было и блоковское ощущение российской современности как безвременья. В написанном дактилем стихотворении **“Художник” (1913)** мировая скука, став приметой времени, обрекла поэта на творческую неудовлетворенность. По-своему интерпретирована теперь и тема поэта и толпы: поэт поет в угоду толпе, без вдохновения (“Крылья подрезаны, песни заучены”). Лирический герой, стремясь преодолеть “скуку смертную”, силится прозреть новое; и хотя очертания его неопределенны: то ли “ангел летит”, то ли песню поют “сирины райские”, то ли осыпается яблоневый цвет, “с моря ли вихрь”, — поэту на какое-то время возвращается страстное отношение к жизни, уже не однообразной, а многомерной: “Ширятся звуки, движенье и свет”. Но побеждает скука бытия. В композиции стихотворения использована антитеза, надежде противопоставлена обреченность “неизведанных сил” и творческая обреченность поэта, его разуму — его душа. В художественную систему стихотворения Блок ввел трагический символ поэтического творчества: в клетку заключена “летевшая душу спасти” птица, теперь она “обруч качает, поет на окне”.

Однако жизнь страны побуждала поэта к вдохновению, и поэтическому и гражданскому, что мы видим в стихотворениях цикла **“Ямбы” (1907—1914)**. **“О, я хочу безумно жить...” (1914)** свидетельствует о вере Блока в собственные силы. Поэт преодолел пессимизм, выраженный в **“Художнике”**. Он желает жить заботами эпохи. Теперь он не только певец спасительного женского начала, задача его поэзии — “все сущее — увековечить, / Безличное — вочеловечить, / Несбывшееся — воплотить”. Мы видим, что лирический герой, проживая свою “трилогию вочеловечения”, в состоянии жить в созвучии со своим временем, взять на себя ответственность за него. В его поэзии нет романтического отстранения лирического героя от мирской суеты, а “жизни сон тяжелый” не является для него бременем.